

опредѣленное значеніе въ исторіи средневѣковой литературы, чтобы примѣнять его къ нашему памятнику. А. И. Соболевскій тоже находитъ выраженіе — неудачнымъ, ибо памятникъ этотъ «просто распространенный хронографъ и не заключаетъ въ себѣ даже всего того, что есть въ нѣкоторыхъ редакціяхъ хронографа». Но, все-таки, это одинъ цѣльный памятникъ (и именно потому не энциклопедія): не лучше-ли назвать его не «лицевыя лѣтописи», а какъ-нибудь иначе, напр. «лицевой историческій сводъ», или «лицевой хронографъ», хотя, какъ хронографъ, нашъ памятникъ столь сильно распространенъ, что едва-ли ему не тѣсно будетъ въ семьѣ «хронографовъ». Изученіе этого замѣчательнаго памятника сильно затрудняется разногласіемъ по вопросу о времени его появленія на свѣтъ. Какія основанія побуждаютъ А. И. Соболевскаго относить его къ «последнимъ годамъ патріаршества Филарета»?

1. *Почеркъ*. Самъ по себѣ «бѣглый, иногда нѣсколько косою полууоставъ» лицевого свода вполнѣ возможенъ, какъ для второй половины XVI в., такъ и для первой XVII-го. Но, по отношенію, къ лицевымъ лѣтописямъ, А. И. Соболевскій находитъ необходимымъ сужить это свое сужденіе, исходя изъ положенія, что лицевыя лѣтописи не «какія-либо книги обыкновенной работы», а роскошныя, изготовленныя по царскому приказу, а потому, если бы онѣ относились къ последнимъ десятилѣтіямъ XVI вѣка, то «мы въ нихъ нашли-бы такой же строгій полууоставъ, какой имѣемъ въ лучшихъ экземплярахъ Макарьевскихъ Миней».

Палеографическія особенности лицевого лѣтописнаго свода далеко не однородны; какъ почеркъ, такъ и миниатюры разныхъ его частей—разнаго качества, хотя все это разнообразіе палеографическихъ впечатлѣній не можетъ разрушить цѣльность общаго типа. Первые части свода художественнѣе и тщательнѣе отдѣланы, а напр. Остермановскія рукописи («Древній лѣтописецъ») — выдѣляются грубостью письма и худшимъ качествомъ иллюстрацій. Однако, въ общемъ, едва-ли можно отказать въ мѣткости той характеристикѣ каллиграфическихъ пріемовъ пис-